

Санкт-Петербургское отделение Археографической комиссии РАН
Санкт-Петербургский институт истории РАН

XIII (XVIII)

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ

О.А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ (1874-1939)

ТЕЗИСЫ

Санкт-Петербург, 4-5 июня 2026 г.

Е.В. Антонец
(МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва)

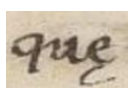
Отражение и написание дифтонгов в латинских рукописях XV в.: теория и практика

Сообщение посвящено изучению написания латинских дифтонгов в гуманистических рукописях XV в. Отражение дифтонгов на письме является не только чертой орфографии, но и одной из значимых палеографических характеристик. Как в теоретическом отношении, так и в реальной практике писцов вопрос о правильном написании дифтонгов был поднят в конце XIV в. Впервые на него обратил внимание греческий ученый Мануил Хрисолор (1355–1415), который в своей грамматике греческого языка последовательно различает дифтонги и монофтонги. Влияние, оказанное Хрисолором на Колуччо Салютати, сказалось также и на Поджо Браччолини. Рукописи, выполненные Поджо, позволяют выявить эволюцию его написания дифтонгов. В ранних рукописях Поджо (*Berlin, Hamilton lat. 166*, 1408 г.; *Vat. Lat. 3245*, 1410–1414 г.), как и в рукописях, выполненных Салютати, всегда отражаются дифтонги в окончаниях, а также в словах *quae, haec, Caesar, aequus, quaero*. Поджо не пишет дифтонги в словах *aetas, Graecus, prae-* и т.д.

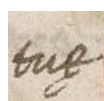
Значимую роль в обсуждении дифтонгов сыграл Гварино Веронезе (1374–1460), учившийся у Хрисолора греческому языку. В 1415 г. он написал трактат «*De diphthongis*», в котором приводит перечень слов, содержащих дифтонги (*aedes, aedilis, aeger* и т.д.). Этот трактат сохранился в рукописях и ранних изданиях (например, *Vat. Lat. 1493, Vat. Reg. Lat. 786*). Не остался в стороне от вопроса о дифтонгах и Гаспарино Барцицца (ок. 1360–1431), который в 1418 г. опубликовал сочинение «*De orthographia*», а позднее — небольшой труд «*Exornationes et constructiones*» (*Vat. Lat. 6870 (ff. 61r–81v)*), где уделяется много внимания дифтонгам. Примерно в то же время Никколо Никколи (1365–1437) получает критику от Веронезе (в 1413 г.), Бруни Аретино (в 1424 г.) и других за то, что он пишет дифтонги в виде двух букв (как *ae*) и ставит их неправильно на месте кратких гласных.

В рукописях более позднего времени Поджо перестает отражать дифтонги, причем даже в тех словах, в которых он использовал дифтонги ранее (например, *Vat. Lat. 2208*, 1426 г.). Чтобы отличить наречие *pené* от слова *roena* «наказание», он использует надстрочный знак (*virgula*). Возможно, бурное обсуждение вопроса о дифтонгах в самом начале XV в., инициированное Хрисолором, было во многом связано с его личным влиянием.

В докладе рассматриваются разные способы написания дифтонга *ae* в рукописях XV в. Основное внимание уделено рукописям сочинений Цицерона. Например:

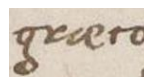
Vat. Lat. 6837, 1425 г.

Vat. Lat. 3233, 1470 г.

Vat. Lat. 3230, 1450 г.

Vat. Reg. Lat. 786.

Ю.П. Баскакова
(СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)

Т.К. Лепехина
Л.М. Моаззами Лавасани
В.А. Парфенов

(СПБНИИ РАН, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)

Послания дождей Венеции XIV–XV в. к капитанам и подеста Тревизо: Исследование документов на пергаменной основе при помощи визуализации угасшего текста и ИК-Фурье анализа признаков деградации

Доклад представляет результаты комплексного исследования посланий дождей Венеции XIV–XV в., адресованных подеста и капитанам Тревизо (Архив СПБНИИ РАН. ЗЕС. Колл. 6. Карт. 186. Ед. хр. 2–7, 17, 21; Архив СПБНИИ РАН. ЗЕС. Колл. 6. Карт. 187. Ед. хр. 5, 13).

Визуализация угасшего текста проводилась в три этапа. На первом этапе использовался многофункциональный просмотровый детектор банкнот «MFD1» (изготовитель – *Cassida*, США) с источниками ИК- (850 нм, 940 нм) и УФ- (365 нм и 254 нм) излучения. На втором этапе применялась гиперспектральная камера «*SpecimIQ*» (изготовитель – *Specim*, Финляндия) со спектральным диапазоном 400–1000 нм, спектральным разрешением 7 нм и пространственным разрешением 512×512 пикселей. Освещение исследуемых документов осуществлялось УФ-источниками света с длиной волны 365 нм. Обработка данных проводилась в программном обеспечении «*Spectronon*» (изготовитель – *Resonon*, США) и включала калибровку, коррекцию освещения и шумоподавление. При выявлении скрытого текста рукописей было установлено, что максимальная четкость угасшего текста достигается не в интегральном УФ-диапазоне, а в узком спектральном канале с длиной волны 423.3 нм. На третьем этапе использовалась цифровая зеркальная фотокамера «*EOS 5D Mark IV*» (изготовитель – *Canon*, Япония). Съемка проводилась при освещении документов лампами с длинами волн 365 нм и 254 нм, параметры экспозиции варьировались в зависимости от интенсивности флуоресценции чернил: выдержка изменялась в диапазоне от 10 до 30 с, диафрагма – от f/10 до f/20. Для прочтения надписей и проведения дальнейшего палеографического анализа наилучшие результаты показала фотосъемка в УФ-освещении.

Отдельная часть проведенных исследований была посвящена выявлению признаков деградации пергамена методом ИК-Фурье спектроскопии на грамоте 1360 г. (Архив СПБНИИ РАН. ЗЕС. Колл. 6. Карт. 186. Ед. хр. 4). Измерения были выполнены при помощи спектрометра «*Alpha II*» (изготовитель – *Bruker Optik GmbH*, Германия) в режиме зеркального отражения в спектральном диапазоне 4000–400 см⁻¹ с разрешением 4 см⁻¹. Математическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи языка программирования «*Python*». Для спектральных измерений были отобраны четыре зоны: пергамен без чернил и видимых загрязнений; участки с пятнами; участки с текстом, выполненным чернилами; контрольный пергамен другой рукописи той же коллекции. ИК-Фурье анализ выявил на спектрах документов специфические полосы поглощения в областях около 3650–3400 см⁻¹ (валентные колебания связей O–H и N–H), 1740 см⁻¹ (карбонильная группа сложных эфиров C=O) и 2900–2800 см⁻¹ (алифатические соединения C–H), указывающие на наличие органических соединений, продуктов биологической активности или процессов старения пергамена. Последующее применение метода главных компонент (МГК) в данном случае позволило разделить спектральные данные на три четко дифференцируемые группы (чистый пергамен, чернила, пятна), при этом основные межгрупповые различия обусловлены изменением амидных полос, соответствующих белкам, и изменением степени гидратации коллагена.

Таким образом, интеграция методов визуализации текста, ИК-Фурье спектроскопии и математической обработки данных позволяет предложить следующую методику неинвазивной диагностики состояния пергаменных документов: УФ-фотосъемка рекомендована как наиболее быстрый и эффективный инструмент для восстановления читаемости текста, а ИК-Фурье анализ в режиме зеркального отражения с применением МГК позволяет выявлять спектральные признаки деградации пергамента и различать продукты загрязнения, естественного старения материала, а также следов чернил без повреждения объекта исследования.

Г.И. Борисов
(Институт истории, Кельнский университет, Кельн)

Неопубликованное письмо Бонифация Амербаха из собрания Н.П. Лихачева

В Научно-историческом архиве СПбИИ РАН хранится письмо 17 марта 1552 г., написанное базельским юристом Бонифацием Амербахом (1495–1562) к Лукасу Шротайзену (ум. 1564), канцлеру герцога Вюртембергского и графа Монбельярского Кристофа (1515–1568). Этот неизвестный ранее автограф Амербаха имеет уникальное значение для объемной корреспонденции двух ученых правоведов XVI в., а также дополняет некоторые биографические сведения, в частности, касающиеся их знаточества в вопросах вина и использования в повседневной письменной речи цитат и оборотов из произведений авторов классической Античности. Частично прослеживается история странствий письма из личного архива Шротайзена в Монбельяре в собрание Н.П. Лихачева в Петербурге. По архивным данным удалось восстановить принадлежность письма швейцарскому фабриканту и коллекционеру Альфреду Бове (1841–1900), продажу письма в 1884 г. на аукционе Этьена Шаравэ ученому и коллекционеру из Кельна Хайнриху Лемпертцу Старшему (1816–1898) и перепродажу в 1906 г. берлинскому антиквару Мартину Бреслауэру (1871–1940), у которого письмо в 1909/1910 гг. было приобретено Н. П. Лихачевым.

А.А. Вовин
(СПбИИ РАН, Санкт-Петербург)

Латынь и вольгаре в посланиях герцогов и герцогинь Сфорца по материалам коллекции Н.П. Лихачева

На XV в. приходится расцвет вольгаре – языка еще не обретшего свое собственное имя, но уже почти вышедшего из тени латыни. Взрывное распространение вольгаре, однако, было полицентричным: сразу несколько складывающихся местных койне претендовали на роль единого общетальянского языка. Одним из таких центров был Милан, где в середине XV в. утвердилось династия Сфорца, основатель которой Франческо Сфорца не был ломбардцем по происхождению и принадлежал к другой лингвокультурной общности. В то же время его жена, наследница предыдущей династии Висконти, и их дети и потомки были рождены в Милане.

В коллекции Н. П. Лихачева хранятся несколько десятков посланий, принадлежащих герцогам и герцогиням Сфорца второй половины XV в., написанных как на вольгаре, так и на латыни:

- Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 4. Карт. 144. Ед. хр. 18, 19;
- Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 4. Карт. 145. Ед. хр. 1, 2, 4, 6, 11, 12, 14–29, 32–36, 39;
- Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 4. Карт. 146. Ед. хр. 1–3, 5, 6, 8, 9, 11, 14–19, 23, 27–29, 31, 32.

Цель доклада проследить закономерности употребления вольгаре и латыни, а также определить, каким образом в этих посланиях комбинировались различные диалекты вольгаре, прежде всего ломбардский койне и «южный», то есть, набравший в то время силу флорентийский диалект.

Л.Б. Вольфцун
(СПбИИ РАН, Санкт-Петербург)

Всеволод Владимирович Бахтин: судьба ученого

В 2026 г. исполняется 125 лет со дня рождения талантливого историка и палеографа В.В. Бахтина (1901–1951). Доклад представляет краткий обзор жизни и деятельности ученого. Труды Бахтина связаны с изучением рукописных памятников западного средневековья. О.А. Добиаш-Рождественская видела его своим преемником как в Отделе рукописей Публичной библиотеки (ныне РНБ), так и в университете. Однако жизненные обстоятельства вырвали Бахтина из научной среды.

С.С. Грозов
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

Рукописная традиция анонимной морализаторской энциклопедии *De proprietatibus rerum*

Доклад посвящен рукописной традиции малоизвестной анонимной морализаторской энциклопедии *De proprietatibus rerum*, дошедшей до нас в 5 рукописях конца XIV – середины XV вв.:

- *Oxford, Merton College Library 68* (ff. 6v–16r; сер. XV в.);
- *Lincoln, Lincoln Cathedral Library 40* (ff. 248v–256v; кон. XIV в.);
- *Oxford, Bodleian Library Bodley 571* (ff. 257r–269r; сер. XV в.);
- *Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana Ott. lat. 626* (ff. 117r–131v, кон. XIV в.);
- *Modena, Biblioteca Estense Universitaria γ. O. 5 2* (ff. 66v–150v; кон. XIV в.).

В центре внимания – результаты колляции пяти известных рукописей и определение наиболее близкого к протографу списка в рамках подготовки критического издания текста. Сопоставление выявляет расхождение рукописной традиции на две линии, условным маркером которых служит корректная или некорректная передача имени Юлия Солина (*Solinus/Silinus*). К более близкой к протографу ветви, где имя античного писателя передается верно, а текст характеризуется полнотой и лучшим качеством, относятся рукописи *Vat. Ott. lat. 626* и *Lincoln 40*, а также *Bodl. 571*. К другой же ветви, в которой присутствуют как лакуны, так и большое число ошибок, относятся рукописи *Modena γ. O. 5 2* и *Merton 68*.

Проведенный анализ показывает, что различия между линиями существенны, но не образуют самостоятельных редакций, хотя в случае двух рукописей (*Merton 68* и *Vat. Ott. lat. 626*) заметна работа редактора.

В докладе будут представлены особенности передачи текста в отдельных списках, а также предложен вариант генеалогии текста, согласно которому наиболее близкой к протографу является рукопись *Lincoln 40*.

Н.М. Долгорукова
(ИНИОН РАН, Москва)

А.А. Пехотина
(НИУ ВШЭ, Москва)

Французский роман XIII в. «*Amadas et Ydoine*»: в пространстве рукописей

В докладе будут рассмотрены три сохранившихся рукописи *Amadas et Ydoine*, датируемые началом (*G* и *V2*) и концом (*P*) XIII в.:

- *Göttingen, Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek, Philos. 184, f. 1ra–2vb*;
- *Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, Palatini latini, 1971, II, f. 61ra–68vb*;
- *Paris, Bibliothèque nationale de France, ms. fr. 375, f. 315rd–331va*.

Доклад посвящен анализу рукописной традиции романа *Amadas et Ydoine* с трех точек зрения:

- трансформация текста романа от более старых, но не полностью сохранившихся рукописей начала XIII в. *G* и *V2* к полной версии романа в рукописи *P* ок. 1288 г.: изменение элементов сюжета и отдельных эпитетов и словосочетаний;
- место текста романа внутри кодекса *P*: значение организации текстов;
- роль краткого содержания Перро де Нееля, данного к каждому тексту рукописи *P*, в том числе и к нашему роману.

Несмотря на значительное количество текстологических исследований нашего романа (Г. Парис, А. Андресен, Д. Рейнхард), до настоящего времени манускрипты преимущественно рассматривались с точки зрения датировки и исторического бытования рукописей. При этом остается недостаточно изученным то, каким образом разные авторы/переписчики изменяли сюжет одного и того же романа и какие слова они использовали для характеристики любовного чувства главных героев. В нашем докладе будет предпринята попытка интерпретации разных сохранившихся рукописей, попытка их интертекстуального анализа. Мы подтвердим гипотезу о том, что более ранние манускрипты содержат

менее разработанный и богатый словарь эпитетов, используемых к лексеме *amour/amor*, чем полная рукопись *P*.

Кроме того, отдельно мы рассмотрим структуру кодекса *P* и прокомментируем, почему *Amadas et Ydoine* были помещены именно между Партопеем Блуаским и Романе о Бруте. Это было осознанным решением средневековых переписчиков, поскольку в кратком изложении Перро де Нееля произведения расположены в том же порядке, что и в составе самого кодекса. Отдельно мы коснемся краткого содержания Перро к *Amadas et Ydoine*: рассмотрим, как он довольно четко и последовательно передает текст нашего романа, как делает акцент на кульминации истории, посвящая ему больше строк, чем другим перипетиям сюжета. Отметим, однако, что трувер не использует эпитетов к лексеме *amor*, при этом делая акцент на праведности и чистоте любви героев с помощью других средств выразительности.

Е.Ю. Золотова
(ГИИ, Москва)

Западноевропейские иллюминированные документы XVIII века в собраниях Москвы («Русская глава»)

В каталоге «Западноевропейские иллюминированные документы XV–XVIII веков в собраниях Москвы», подготовленном к печати автором доклада, более десятка документов XVIII века (дворянских грамот, жалованных императорами Священной Римской империи, королями Польши и коллегиями ландграфов Лифляндии и Курляндии) объединяет одна важная особенность, которую нельзя обойти вниманием. Написанные на латинском или немецком языке, украшенные придворными миниатюристами и каллиграфами Вены, Варшавы, Риги или Митавы, они на первый взгляд кажутся такими же желанными раритетами для русского коллекционера, путешествующего по Европе, которые можно было найти на аукционе или в пыльных папках в лавке антиквара. Но на самом деле эти уникальные экземпляры изначально предназначались для России, прибыли сюда почти сразу и оставались в России всегда. Это жалованные грамоты русским государственным деятелям, дипломатам, военным – от «птенцов гнезда Петрова» до вельмож екатерининской поры. Среди них хорошо известные имена: генерал-фельдмаршал Федор Алексеевич Головин, будущий первый канцлер Российской империи Гавриил Иванович Головкин, российский посланник при дворе Карла VI в Вене Андрей Артамонович Матвеев, генерал-аншеф Александр Иванович Румянцев и его сын генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский и другие.

Почти все эти документы из московских собраний (РГАДА, ОПИ ГИМ, ОР РГБ) до сих пор оставались за пределами интересов историков, геральдистов и искусствоведов. В докладе представлен первый обзор грамот названной группы с анализом иконографических и стилистических особенностей их художественного оформления.

Ю.Д. Исмаилова
(СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)

История рукописи Бенвенуто да Имола «*Romuleon*» из собрания Н.П. Лихачёва по владельческим записям

Рукопись Бенвенуто да Имола «*Romuleon*» из собрания Н.П. Лихачёва (Архив СПБНИИ РАН. ЗЕС. Колл. 46. Карт. 609. Ед. хр. 2) как самостоятельный источник специально не исследовалась. В трудах Ф. Дюваля (2001) и Л. Саразини (2006) о ней имеются краткие сведения, основывающиеся на описаниях П. О. Кристеллера (1990) и Л. Г. Катушкиной (1972). Доклад посвящен реконструкции раннего этапа бытования рукописи «*Romuleon*» из собрания Н. П. Лихачёва по данным владельческих записей на *f.2r*, сопоставленных с документами Генуи XV в.

Нами были внесены коррективы в транскрипцию Л. Г. Катушкиной одной из владельческих записей:

I. «+ *Comstantinus Lercarius. In mundo spes nulla boni spes nula saluptis solla salus s(er)vire Deo sunt cetera fraudes* (+ Константин Леркари. В мире нет надежды на благо, нет надежды на спасение; единственное спасение – служить Богу, всё прочее – обманы)».

Этот дистих интерпретируется П. О. Кристеллером как «латинская поэма Константина Леркари», однако с этим утверждением трудно согласиться. Приведенные стихотворные строки засвидетельствованы в рукописной традиции XV в. В частности, в венецианской рукописи начала XV в. с итальянским переложением Боэция содержится этот дистих в виде отдельной записи на внутренней стороне задней крышки переплета, сделанной рукой XV в. (*Venezia. Bibl. Marciana, It. II, 88*; см.: *Frati C., Segarizzi A. Catalogo dei codici Marciani Italiani. Modena, 1909. Vol. I. P. 252*). В немецком сборнике второй половины XV в. эти две строки входят в состав более пространный девятистрочный стихотворный текст, приписываемого Псевдо-Петру Людеру (*Vatikan, Biblioteca Apostolica Vaticana. Pal. lat. 1880. f. 140v*).

Вторая и третья записи ранее не транскрибировались. Нами установлено следующее их прочтение:

II. «*Ego Pirusan(us) de Salvo emi p(re)sentem libru(m) a (Con)stantino Lir(cari)o et soluptus fuit p(re)sentem B(er)nardo Rasio, not(ari)o* (Я, Пирусан де Сальво, купил настоящую книгу у Константина Леркари, и уплата была произведена в присутствии нотариуса Бернардо Расио)»;

III. «*Ego B(er)nardus Ragius sumtus et de p(re)dic(t)o vidi solver(e) dictu(m) Constantinu(m)* (Я, Бернардо Раджо, привлечённый [к сделке в качестве свидетеля], относительно вышеизложенного видел, что названному Константину было уплачено)».

II и III записи фиксируют акт купли-продажи книги: рукопись перешла от Константина Леркари к некому Пирусану из рода Сальво. Таким образом, первая из трёх записей является наиболее ранней, а упомянутый в ней Константин Леркари был владельцем книги. Имя Константина Леркари обнаруживается в генуэзских документах конца XIV – начала XV вв., в частности, в списке консулов Каффы под 1404 г. (*Canale M. G. Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri. Commentari storici. Vol. 3. Genova: R. J. de Sordo-Muti, 1856. P. 534*). Бернардо Раджо упоминается под 1474–1475 гг. в качестве помощника писца (*sottoscrivano*) курии Каффы (*Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) / Ed. A. Vigna (Atti della Societa Ligure di storia patria (Genova)). Genova, 1879. T. II. Parte II. P. 214, n. MCXXXIII*). В аналогичных случаях статус нотариуса, как правило, указывается прямо; в отношении же Бернардо Раджо такое указание отсутствует. Это обстоятельство позволяет утверждать, что нотариусом он стал уже после 1475 г. Следовательно, записи о купле-продаже должны относиться к последней четверти XV в., когда Бернардо Раджо уже выступает в источниках как генуэзский нотариус. Личность покупателя из рода Сальво пока не поддаётся идентификации.

Прочитанная нами на *f.1r* датировка рукописи МССССХХХХIII (1443 г.) допускает возможность изготовления рукописи для Константина Леркари, консула Каффы в 1404 г. Но в таком случае вряд ли он мог быть её продавцом в последней четверти XV в. Следовательно, либо к моменту продажи книга уже принадлежала одноимённому представителю семьи, но жившему позже, либо и первая владельческая запись относится не к консулу начала XV в., а к его потомку.

Е.В. Казбекова
(ИВИ РАН, Москва)

Прием *textus praescissus* в ротунде XIII–XVI вв.:

Технические аспекты и исследовательская ценность (на материале рукописей РГБ)

Прием «усечения» окончаний вертикалей, т.н. *textus praescissus* («обрезанный»), встречается в разных видах готического книжного письма (например, на известной «афише» писца Йохана фон Хагена начала XV в. представлен образец *gothica textualis “textus praescissus vel sine pedibus”* – «усеченного», «безногого» письма (*Derolez A. The Palaeography of Gothic Manuscript Books. 2010. Pl. 17*)). В докладе речь пойдет об использовании приема *textus praescissus* в ротунде – округлом книжном письме, распространенном в высокое и позднее Средневековье на Юге Европы.

Анализ письма шести оцифрованных рукописей РГБ конца XIII – начала XVI вв., написанных ротундой (доминиканская болонская Библия конца XIII в. (РГБ. Ф. 722 №734); градуал второй четверти XIV в. из Сиены или Перуджи (Ф. 183.1 №1992); градуал конца XV в. из Центральной Италии (Ф. 183.1 №1990); миссал второй половины XV в., созданный в Риме для августинцев-еремитов (Ф. 183.1 №1933); альбом с вырезками из иллюминированных певческих книг XIII–рубежа XVI вв. из Северной Италии,

Флоренции и Франции (Ф. 183.1 №1678); процессионал начала XVI в. из Северной Италии (Ф. 183.1 №1097)), показал, что в ротунде его использование, по сравнению с заальпийским каллиграфическим готическим книжным письмом, имело ряд особенностей, сам прием использовался очень ограниченно.

Техника выполнения данного приема могла быть различной: в рассматриваемых рукописях по преимуществу использовалось не выполнение вертикали за один прием без отрыва пера, но с его поворотом, а в несколько штрихов с отрывом пера – дорисовыванием уголка внизу вертикали, чтобы ее основание приобрело «срезанный» вид. Такое дорисовывание могло выполняться разными способами. При этом вид ровной площадки имела лишь часть «срезанных» окончаний вертикалей, другая часть могла оформляться по-разному: в виде слабовыраженного «ласточкиного хвоста», с небольшим скосом штриха вертикали вправо или влево, с немного округлым завершением.

В вопросах выбора той или иной формы концов вертикалей писцы рассматриваемых рукописей, как правило, придерживались разных индивидуальных «стратегий», и изучение приема *textus praescissus* может предоставить дополнительные критерии для определения индивидуальных особенностей писцов.

И.Е. Лебедева

(СПбПУ Петра Великого, СПбИИ РАН, Санкт-Петербург)

В.А. Худяков

(NETCONOMY GmbH, Грац)

Сравнение традиционного и нейросетевого подходов к идентификации писца (на примере почерков XVI в.)

Палеографическая идентификация писца исторических документов долгое время опиралась на визуальный анализ и субъективное мнение эксперта. В работе решается задача атрибуции бреве Адриана VI от 12 ноября 1522 г. (Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Колл. 41. Карт. 532. Ед. хр. 42), предположительно написанного известным каллиграфом Людовико Арриги (Вичентино). Для этого впервые проводится параллельное сравнение классического и современного (сиамские сверточные нейронные сети) методов идентификации автора по почерку.

Были выполнены транскрипция, перевод и палеографический анализ бреве, составлена таблица вариантов начертания букв (характерные формы *a*, *c* в сочетании *ct*, *s*). Затем эти формы визуально сравнили с двенадцатью рукописями Арриги по доступным в сети цифровым копиям. Наиболее близкие аналоги были найдены в примечаниях на полях рукописи *Vat. Lat. 5802*. Однако детальное сопоставление одинаковых буквосочетаний в Adobe Photoshop CS выявило различия в связности и наклоне.

Вывод традиционного метода: почерки имеют общие черты, но принадлежат разным писцам (вероятно, принадлежавших к одному кругу).

Для объективной проверки был создан корпус из 1150 изображений строк 20 авторов XVI в. (источники: *e-codices*, *Getty*, *Gallica*). Разработана многоэтапная методика предобработки: бинаризация, автоматическое детектирование и удаление декоративных элементов (инициалов) по «пикам интенсивности», сегментация строк методом «впадин» (*Valley Method*) и фильтрация артефактов. Это позволило стандартизировать исторические документы для машинного обучения.

Предложена сиамская нейросеть с общей архитектурой и весами (*Siamese ResNet*). Экстрактор признаков построен на остаточных блоках (*Tiny ResNet Block*, 17 слоев), формирующих эмбединг размерностью 12. Ключевое нововведение – комбинированный вектор сравнения (конкатенация, квадратичная разность и произведение Адамара исходных векторов). Обучение на 10000 пар (с аугментацией: случайный сдвиг, обрезка, пороговая фильтрация) с функцией потерь *CrossEntropyLoss* и адаптивным снижением *Learning Rate* позволило достичь точности 89,4% (снижение ложноотрицательных ответов до 4,4%).

При проверке на бреве из Архива СПбИИ РАН модель показала высокую чувствительность: для строк документа доминировали авторы *916-Trattato* (средний скор 0,998) и *904-Benedetto-Varchi* (0,640). Однако анализ матрицы консистентности выявил нестабильность: разные строки одного документа уверенно приписывались разным авторам, а для части фрагментов максимальный скор не превысил 0,22.

Вывод нейросетевого метода: истинный автор документа отсутствует в обучающей выборке, но принадлежит к той же каллиграфической школе, что и указанные кандидаты.

Общий вывод: Сиамская сверточная сеть с остаточными блоками эффективно решает задачу дифференциации стилей и «отсева» заведомо непохожих кандидатов, преодолевая шумы исторических носителей (писчей поверхности). Предложенная методика объективно подтвердила, что Арриги не является автором бреве, указав на стилистически близких писцов. Комбинирование глубокой предобработки и метрик сходства позволяет использовать ИИ в палеографии как инструмент верификации, дополняющий традиционный анализ.

В.И. Мажуга
(СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)

Две родственные темы в двух различных типах изображений на полях болонской рукописи XIV века

В докладе представлены новые результаты исследования хранящегося в Архиве СПБНИИ РАН древнейшего списка комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum Novum* (ЗЕС. Колл. 46. Карт. 590 Ед. хр. 1), выполненного в 1370 г. в Болонье, вероятно, по авторскому экземпляру, во время пребывания там Бальдо дельи Убальди, ученика и столь же выдающегося юриста западного Средневековья, как сам Бартоло, который унаследовал рукописи своего учителя. Исследование глосс и рисунков на полях этой рукописи, выполненных самими ее переписчиками, которые были образованными юристами, показало, что, как и глоссы, рисунки в этой и других итальянских юридических рукописях являлись не просто иллюстрацией описываемых Бартоло предметов и ситуаций, но служили выделению особенно важных для практикующих юристов тем и предлагаемых автором решений юридических вопросов, т. е. выполняли роль знаков и символов в аппарате рукописной книги. В историографии, однако, можно найти лишь крайне скудные и приблизительные сведения о содержании этих символов.

Доклад содержит опыт истолкования на основе прочтения соответствующих разделов комментария Бартоло двух тематических циклов рисунков, близких по содержанию, но в то же время весьма различных по типу художественного исполнения. Попутно в рамках общего изучения истории уникального рукописного памятника предстояло решить вопрос, были ли эти рисунки выполнены рукой одного глоссатора и рисовальщика, или же разными людьми. Последнее сделать было тем более важно, что некоторые рисунки сопровождаются словесными глоссами, выполненными той же рукой, что и рисунки, а письмо глосс одного и того же писца в свою очередь иногда варьируется вплоть до утраты внешнего сходства между разными его образцами. Показав, что различие изображений было связано с определенной их смысловой нагрузкой, а не просто с возможной их принадлежностью руке разных рисовальщиков, мы получаем еще один важный аргумент в пользу атрибуции рисунков и глосс одному лицу.

Один из рассматриваемых нами циклов составляют изображения мужских профилей с головным убором, который можно определить словом «берет» или итальянским «*basco*». Возможно, в этих изображениях следует видеть свидетельство первого распространения в Италии этого ренессансного типа головных уборов ученых и интеллектуалов. Все персонажи в этом цикле изображены с густой и аккуратно уложенной бородой. Мы встречаем их в разных частях рукописи, содержащих комментарий Бартоло к разным книгам Дигест (*ff. 124va.9-14, 178vb.47-51, 184va.29-33, 184vb.71-75, 211rb.62-68*), но во всех случаях такие изображения относятся к тем местам в тексте Бартоло, где из непростой как правило традиции комментирования определенных римских норм он выводит простые рекомендации для ведения судебного процесса. Борода у некоторых персонажей отмечена поперечными полосками, что прямо указывает на их связь с ситуацией именно судебного процесса. Вместе с тем в этих солидных образах можно усмотреть и оценку самой мысли Бартоло.

Другой тематический ряд образуют изображения мужских профилей с глазом, смещенным на лоб (*ff. 16ra.68-78, 69ra.38-45, 69rb.27-34, 86rb.49-55, 201vb.52-57*), что естественно вызывает ассоциацию с образом мудреца в Книге Экклезиаста 2.14 *Sapientis oculi in capite eius*, или в традиционном итальянском переводе *Il saggio ha gli occhi in fronte*. О том, что перед нами образ именно мудреца, говорит длинная или особенно окладистая борода большинства изображенных. Выполнены эти изображения в более простой и свободной манере, и в них можно усмотреть оттенок иронии. Однако же, что касается их основного смысла, граница между ними и изображениями первого ряда оказывается весьма тонкой. В основном эти изображения характеризуют саму мысль Бартоло, хотя порою приобретают и черты не

только распорядительного и предусмотрительного судьи, но и незадачливых участников спора, который он решает. В основном же эти рисунки указывают на остроумные и тонкие решения юридических вопросов, которые предлагает Бартоло, на его умение преодолевать в своих суждениях юридический формализм и передавать суть вещей. Можно сказать, что наш глоссатор и рисовальщик, выбирая каждый раз один из двух типов изображений, следовал разделительной линии, сколь тонкой, столь же определенной. Различие иконографии и манеры в двух типах изображений характеризует арсенал средств искусного мастера и опытного юриста, а не манеры разных людей со своим ограниченным художественным репертуаром.

В.И. Мажуга
(СПбИИ РАН, Санкт-Петербург)

Несостоявшееся сотрудничество В.В. Бахтина с Институтом книги, документа и письма АН СССР

В сентябре 1920 г. трудами О.А. Добиаш-Рождественской был организован Кабинет вспомогательных дисциплин при Факультете общественных наук Петроградского университета с целью обеспечить студентов систематическими знаниями в области истории западного Средневековья и привить им навыки исследовательской работы. Из Палеографического кабинета, в который была преобразована коллекция памятников письменности Н.П. Лихачева при передаче ее в Петроградский археологический институт, были получены во временное пользование для занятий в Кабинете вспомогательных дисциплин десятки фрагментов латинских рукописей и 86 грамот X – первой трети XIII в., ранее принадлежавших капитулу соборной церкви города Кремоны.

Семинар по изучению кремонских грамот стал настоящим питомником ученых медиевистов, из которого вышел целый ряд известных ученых и в их числе В.В. Бахтин. Даже среди одаренных и хорошо подготовленных участников семинара В.В. Бахтин выделялся своим заинтересованным и творческим отношением к работе с грамотами. Он выбирал самые трудные для прочтения документы с почти угасшим и местами утраченным текстом, без устали разбирал плохо различимые знаки и, привлекая сравнительный материал, реконструировал недостающие части текста. Свой опыт реконструкций он развил в специальном исследовании древнейшего документального наследия Кремоны, в котором показал, что привилегия Кремонской церкви, дошедшая в копии X в. и приписанная в ней Людовику Благочестивому, – и это было принято на веру его предшественниками, – в действительности исходила от императора Лотаря (823–855) и должна быть датирована временем не ранее 841 г., причем в копии к ней присоединен фрагмент грамоты Карла Великого. Исследование это было опубликовано в 1930 г. по-немецки в ведущем немецком журнале по истории Средневековья *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde* (vol. 48, 1930, p. 33-44). В.В. Бахтин успел приступить и к более масштабному исследованию комплекса кремонских грамот из собрания Н.П. Лихачева, причем не обошел своим вниманием и другие древнейшие грамоты этого собрания, свидетельством чего является его исследование и публикация грамоты X в., принадлежавшей ранее соборному капитулу ломбардского города Пьяченцы (Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1928. № 2. С. 141-146).

Хотя и с вынужденными перерывами и не столь активно, как в семинаре 1920-1922 гг., изучение кремонских грамот под руководством О.А. Добиаш-Рождественской продолжилось до конца 1920-х годов, а затем под ее несомненным воздействием было возобновлено С.А. Аннинским (1891-1942), вновь назначенным ученым хранителем Музея книги, документа и письма АН, в который был преобразован бывший Палеографический кабинет. Но когда в 1934 г. в Институте книги, документа и письма АН (ИКДП), созданном на основе одноименного музея, встал вопрос о том, чтобы О.А. Добиаш-Рождественская повела дело издания кремонских грамот, то О.А. Добиаш-Рождественская поставила условием своего сотрудничества участие в издании В.В. Бахтин, только что отбывшего заключение в Соловецких лагерях и ссылку, и стала добиваться его зачисления в штат этого института, как о том свидетельствует целый ряд ее писем и записок к разным лицам. С.А. Аннинский и директор института, академик А.С. Орлов, поддержали ее предложение, хотя В.В. Бахтину никак не удавалось получить паспорт для проживания и работы в Ленинграде.

14 ноября того же года О.А. заключила договор с ИКДП о написании ею исследования о происхождении каролингского минускула объемом в 3 а.л. Есть причины думать, что, подписывая

договор, О.А. Добиаш-Рождественская надеялась сделать В.В. Бахтина соавтором в этой работе. Уже на следующий день, как свидетельствует одна из ее записок, она передала Аннинскому некую доверенность, заранее поблагодарив его за все, что он делает для В.В. Бахтина. С названным эпизодом может быть связан тот факт, что среди бумаг С.А. Аннинского оказался рукописный текст первой главы монографического исследования В.В. Бахтина на ту же тему. Хотя глава эта посвящена историографии темы, она содержит важные наблюдения и написана в таком замечательном стиле, что заслуживает опубликования и в наши дни.

Идею соавторства с В.В. Бахтина О.А. Добиаш-Рождественской удалось провести в деле нового издания «Истории письма в Средние века», которое было предпринято по предложению руководства Историко-археологического института АН (ИАИ) и завершено в 1936 г. уже в рамках деятельности Ленинградского отделения Института истории АН (ЛОИИ), в который вошли ИКДП и ИАИ. Однако В.В. Бахтин пал жертвой очередной волны политических репрессий, и наметившееся его сотрудничество ЛОИИ не осуществилось.

А.Н. Маслов
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

К вопросу об использовании всемирной хроники Фрекульфа из Лизьё в анонимной хронике из рукописи *Admont, Benediktinerstift, Cod. 15*

Одна из редакций «Хроники» т. н. псевдо-Фредегара включает, помимо хорошо известного пассажа о происхождении франков от уцелевших троянцев, еще и довольно подробный пересказ позднеантичной «Истории о разрушении Трои» (“*De excidio Troiae [historia]*” или “*Acta diurna belli Troiani*”) ‘Дарета Фригийского’. Эта раннесредневековая версия сочинения ‘Дарета’, именуемая обычно «Историей Дарета Фригийского о происхождении франков» (“*Historia Daretis Frigii de origine Francorum*”) и обладающая рядом уникальных черт, сохранилась в составе нескольких рукописей. Она дважды публиковалась в XIX столетии – сначала Гастоном Пари (1874), а затем Бруно Крушем (1888). Несмотря на интерес отдельных исследователей (прежде всего, М.-Р. Юнга и Н. К. Явуж) к «Истории Дарета Фригийского о происхождении франков», ее роль в позднейшей традиции изучена слабо.

Среди твердо установленных фактов – использование «Истории Дарета о происхождении франков» (наряду с более ранней “*De excidio Troiae [historia]*”) во всемирной хронике (“*Historiarum libri XII*”), написанной Фрекульфом из Лизьё в IX в. С текстом Фрекульфа, по-видимому, связан «троянский раздел» анонимной всемирной хроники, дошедшей в составе рукописи из библиотеки Адмонтского бенедиктинского монастыря (*Admont, Benediktinerstift, Cod. 15*; см. цифровое факсимиле — URL: https://manuscripta.at/hs_detail.php?ID=25872) и датируемой второй половиной 1180-х гг. Автор доклада анализирует содержание рассказа о Троянской войне (*fol. 9ra – 11vb*) в указанном адмонтском кодексе, выявляя те фрагменты повествования, которые могут восходить к сочинению Фрекульфа (либо какому-то переложению этого последнего текста). Попутно характеризуются иные особенности трансляции троянской легенды в памятнике средневекового монастырского историописания, который в течение долгого времени не привлекал внимания ученых.

(Доклад подготовлен в рамках НИР по проекту РНФ № 25-28-00997)

Э.Э. Отакулов
(НГУ, Новосибирск)

«История Карла Великого и Роланда» в рукописи *Lat. Q.v.XVII № 4* (ОР РНБ): к вопросу о происхождении и особенностях создания списка

В докладе рассматривается список «Истории Карла Великого и Роланда» (*Historia Karoli Magni et Rotholandi*), или хроники псевдо-Турпина, сохранившийся в составе латинской рукописи *Lat. Q.v.XVII № 4* (ОР РНБ). Несмотря на каталожное обозначение рукописи как *miscellanea*, ее состав вряд ли случаен: входящие в нее тексты связаны с традицией «Книги св. Иакова» (*Liber Sancti Jacobi*) – сборника из

Сантьяго-де-Компостела, оформившегося в 1138-1145 гг. и известного также как Кодекс Каликста (*Codex Calixtinus*).

Lat. Q.v.XVII № 4 – небольшой пергаменный кодекс конца XIV – начала XV вв. В нынешнем виде он насчитывает 56 листов, однако этот объем не является первоначальным: заключительная часть кодекса была утрачена, на что указывает обрыв текста хроники. Нынешний последний лист, судя по потемнению, потертостям и сгибам, некоторое время оставался внешним листом блока. Позднее, вероятно в XVII в., рукопись получила новый переплет.

Текст выполнен канцелярским регуляризованным готическим курсивом. Стабильность графики, сокращений и надстрочных знаков позволяет предположить одну основную руку. Маргинальные пометы, единообразные с рубриками, следует связывать не с позднейшей рецепцией, а с первоначальным замыслом и функцией рукописи. Основной текст хроники был переписан прежде рубрикации, на это указывают оставленные места под заголовки и инициалы, а также пометы. Рубрикатор, по-видимому, нередко сталкивался с нехваткой оставленного пространства, сокращал названия глав или выносил их на поля.

Особый интерес представляет оглавление хроники. Порядок глав в нем нарушен по схеме: 1, 3, 5...15, затем 2, 4, 6...16. Эта ошибка, вероятно, возникла при переписывании двухколонного оглавления без нумерации и позволяет предположить специфическое оформление рукописи, с которой был сделан список. Несовпадение оглавления, рубрик и основного текста показывает, что они не были последовательно сверены между собой.

Владельческая запись «*Ex bibliothecae St. Jacobi de Moguntiae*» позволяет предположительно связать рукопись с аббатством св. Иакова в Майнце. Эта атрибуция согласуется с историей самого монастыря: разрушения конца XVIII в., и последующее упразднение общины создали условия для рассеяния ее книжного собрания и возможного приобретения «Книги св. Иакова» в коллекцию А.Н. Неустроева. Дополнительный контекст дают материалы Вольфганга Трефлера, библиотекаря аббатства нач. XVI в., свидетельствующие о наличии в собрании «Книги Святого Иакова» и хроники псевдо-Турпина.

Сопоставление текста хроники псевдо-Турпина из рукописи *Lat. Q.v.XVII № 4* с Кодексом Каликста (*Archivo-Biblioteca de la Catedral de Santiago de Compostela, Códice Calixtino, fol. 163r–189r*) и его ранними копиями, такими как *Ripoll. 99 (Barcelona, Arxiu de la Corona d'Aragó, Ripoll. 99, fol. 55r–80v)* и *Alc. 334 (Lisbon, Biblioteca Nacional, Codices Alcobaçences CCCII/334, fol. 186v–211v)*, показывает, что петербургский список восходит к ветви традиции, текстологически близкой именно к *Alc. 334*. Однако ошибка в оглавлении исключает прямое копирование с алкобасского кодекса и предполагает существование промежуточного списка той же редакционной линии.

(Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФ, проект № 25-18-00518)

В.Л. Портных
(ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Крестоносная булла *Cum hiis superioribus annis* (1456): опыт обнаружения в германоязычных землях

Десятилетие, последовавшее за падением Константинополя в 1453 г., было отмечено активными попытками папства организовать крестовый поход против турок-османов и остановить их дальнейшее продвижение в Европу. Если судить по дошедшим до нас письменным свидетельствам, эти меры получили свой отклик, прежде всего, в германоязычных землях, для которых наступление турок было вполне реальной угрозой.

Среди папских призывов, текст которых активно распространялся на территории Германии (прежде всего, южных областей), была булла *Cum hiis superioribus annis* (1456), в которой папа Каликст III предписывал организовать коллективные процессии и молебны во имя победы над османами. На данный момент обнаружено 18 списков этой буллы, а также печатные варианты ее латинского текста и немецкого перевода. Их сопоставительный анализ, подкрепленный сведениями из сопроводительных текстов, а также кодикологическими данными, позволяет отчасти проследить логику и методы

распространения буллы. Кроме того, стемматический анализ подтверждает ранее высказанные предположения, что печатные варианты буллы происходят из Майнца или его округа.

(Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-28-00848)

*В.Л. Портных
(НГУ, Новосибирск)*

Принадлежит ли СССР архивное прошлое Кенигсберга? Послевоенный проект обмена перемещенными архивами между СССР и ФРГ

В апреле 1945 г., когда после ожесточенных боев советские войска заняли Кенигсберг, самых ценных фондов главного архива Восточной Пруссии – прежде всего, средневековых документов, связанных с историей тевтонского ордена – в городе уже не было. Они были эвакуированы в западном направлении и оказались после войны в британской оккупационной зоне. В 1948 г. советские власти выразили заинтересованность в передаче Прусского государственного архива в СССР. Немецкие архивисты расценили это как интерес к орденским фондам (возможно, как материала как связанного с историей России), однако советская сторона имела иной интерес. Инициатива, похоже, исходила с местного уровня: власти новообразованной Калининградской области нуждались в планах хозяйственных коммуникаций и просили союзное руководство раздобыть немецкие архивные документы на этот счет.

Официальное предложение обмена было выдвинуто британской оккупационной администрации, которая первое время сохраняла свои позиции в уже образованной к тому моменту ФРГ, в начале 1950 г. Взамен советская сторона предлагала отдать вывезенные незадолго до того в СССР архивы Любека и Гамбурга, судьбой которых к тому моменту уже не раз интересовались британские оккупационные власти. Это также были ценные фонды, в составе которых было множество средневековых единиц хранения. Помимо архива Кенигсберга предлагалось передать СССР Таллинский городской архив, который был вывезен немцами перед отступлением и также находился в британской оккупационной зоне. Вопрос о последнем был весьма деликатным: ни тогда, ни в последующие десятилетия западные страны так и не признали де-юре легитимность присоединения к СССР прибалтийских республик, а значит переговоры с Москвой о судьбе архива одного из прибалтийских городов были невозможны. Тем не менее, британские власти не исключали возможность обмена на ганзейские архивы материалов из восточнопрусской столицы и спросили мнение немецких экспертов на этот счет. Те, в свою очередь, высказались против. В итоге обмен не состоялся.

Изучение истории этого несостоявшегося обмена важно для нас, поскольку выводит на более масштабные вопросы, связанные с целями вывоза культурных ценностей из Германии и их фактическим применением в СССР, а также на проблемы, касающиеся послевоенного освоения присоединенной к СССР по итогам Второй мировой войны северной части Восточной Пруссии.

(Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-18-00518)

*А.А. Скепьян
(Институт истории НАН Беларуси, Минск)*

Женская корреспонденция Великого княжества Литовского в XVI веке

Женская корреспонденция Великого княжества Литовского, несмотря на более поздний период бытования (она выявлена только с 20-х гг. XVI в.), чем актовый документ или мужская корреспонденция, является одним из ценнейших источников для дипломатики, палеографии и сфрагистики.

Женская корреспонденция позволяет проследить историю письма, в первую очередь, применительно к распространению гуманистического курсива (*cancelleresca italica*) на этих землях. Особенностью женской корреспонденции было относительно малое использование услуг писарей и секретарей. В своем большинстве сохранившиеся письма представительниц знатнейших семейств – в

первую очередь, Радзивиллов, Ходкевичей, Сапег, князей Острожских, Олельковичей, Сангушек – были написаны собственноручно и демонстрируют большое разнообразие почерков (см., напр.: *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Archiwum Radziwiłłów. Dz. IV. Sygn. 674; Dz. V. Sygn. 26, 9625*).

Сфрагистика довольно давно изучает княжеские, шляхетские, мещанские печати Великого княжества Литовского, о чем свидетельствуют работы в польской, украинской и белорусской историографии. При этом личные печати, принадлежавшие представительницам тех же семейств, практически игнорируются. Причин этому может быть несколько – как небольшое количество сохранившихся женских печатей по сравнению с мужскими, так и довольно низкая информативность самих оттисков. Тот факт, что женщины использовали геральдические изображения наравне с мужчинами, не вызывает сомнений и подтверждается обнаружением свинцовых печатей полоцких княгинь и более поздних артефактов (*Пчелов Е.В. Печать Софьи Витовтовны и изображение на ней // Tarptautinė numizmatikos konferencija. Pranešimų tezės. Vilnius, 2012 m. gegužės 23–25 d. Lietuvos nacionalinis muziejus. Vilnius, 2012. S. 142–143*). Тем не менее, до начала XV века фактически не известно ни одной княжеской, не говоря уже о шляхетской, женской печати. Упоминания о них встречаются в документах Метрики Великого княжества Литовского, а также есть указания на их присутствие в более поздних копиях (в виде круга с буквами *L. S. (locus sigilli)*).

Для женщины использование печати было свидетельством её социального статуса. Обычно незамужняя девушка не имела печати, возможно, потому что она почти никогда не могла самостоятельно заверять какие-либо правовые документы (см., напр.: *AGAD. Archiwum Potockich z Radzyna. Sygn. 345. S. 80*). Однако с момента вступления во владение имуществом даже молодые девушки получают свои печати. Чаще всего на печати женщины был изображен её собственный (отцовский) герб с инициалами владельца. Редким случаем было размещение брачного герба, который объединял гербы мужа и жены (*AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V. Sygn. 14635*).

В своем большинстве изображение родового герба использовалось женщиной на протяжении всей ее жизни, при чем для корреспонденции изготавливалась отдельная матрица. Как правило, она была меньших размеров, чем матрица печатей, которые прикладывались к актам, и не имела надписи по кругу. При этом щит также мог иметь различную форму, в зависимости от времени изготовления матрицы. Интересно предпочтение определенного типа воска в зависимости от семейного статуса женщины. Так, вдовы княгини, практически никогда не используют в личной корреспонденции красный воск, переходя на использование зеленого или черного.

*К.В. Сошникова
(ИЛИ РАН, ОР РНБ, Санкт-Петербург)*

Сборники богородичной поэзии и французская рукописная традиция XV-XVI вв.

Доклад посвящен исследованию цикла французских рукописей XV-XVI вв., содержащих поэтические сочинения, обращенные к Деве Марии. Эти сборники богородичной поэзии создавались под влиянием поэтических конкурсов в честь праздника Непорочного Зачатия Девы Марии, которые проводились в разных городах Франции с XV в. и назывались «*puu de palinods*». Главными центрами проведения таких поэтических конкурсов были Руан и другие города Нормандии. На поэтическом конкурсе в Руане участвовало несколько жанров, среди которых самые известные – королевская песня (*chant royal*), рондо (*rondeau*) и баллада (*ballade*). После проведения конкурса лучшие произведения записывались. Так появлялись рукописные сборники богородичной поэзии.

Поэтические сочинения обращенные к Деве Марии были отнюдь не простыми молитвами, облеченными в стихи. Многие из них прославляли королевскую власть и содержали призывы отправиться в крестовый поход против Османской империи. Изучение ряда таких сборников позволяет вычлнить уникальные образцы пропагандистских сочинений, направленных против турецкого народа.

В докладе будет рассмотрен ряд рукописей XV-XVI вв. из Национальной библиотеки Франции и Российской Национальной Библиотеки (РНБ), содержащих эти произведения.

Особое внимание заслуживает сборник *Fr.Q.v.XIV.б.* начала XVI в. из собрания Отдела рукописей РНБ под названием «Песни, баллады и рондо в честь Святой Девы» (*Chants, ballades et rondeaux en l'honneur de la Sainte Vierge*), ранее не являвшийся объектом исследований ученых. Этот кодекс был приобретен российским дипломатом и библиофилом П.П. Дубровским во Франции в конце XVIII в. и

вместе с другими рукописями, привезенными им в Петербург, стал частью коллекции Депо манускриптов Императорской Публичной библиотеки. Рукопись из РНБ содержит более десяти королевских песен, рондо и баллад, написанных французскими поэтами. Автору доклада удалось атрибутировать большую часть этих произведений и установить примерные даты создания кодекса. Рукопись украшена одной миниатюрой и многочисленными орнаментированными инициалами. Ее богатое убранство и высокое качество пергамента позволяет поставить ее с рядом рукописных сборников богородичной поэзии, принадлежащим королевскому дому Франции и другим состоятельным заказчикам.

(Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФ, проект № 25-28-00848)

Н.Б. Срединская
(СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)

Особенности формуляра актов Милана XII-XIII веков из собрания Н.П. Лихачева

В 2026 г. коллектив исследователей (А.А. Вовин, Д.П. Волченков, Н.Б. Срединская, И.Д. Травин) начал работу по подготовке к публикации актов Милана из собрания академика Н.П. Лихачева. Древнейшие из миланских актов относятся к 1147-1281 гг. (Архив СПБНИИ РАН. ЗЕС. Колл. 4. Карт. 143. Ед. хр. 1-5, 5а, 6-21). Немалая часть их касается миланского монастыря св. Маргариты и включает договоры купли-продажи, дарения, обмена земли, аренды и др. Анализ формуляра ранних документов Милана выявляет как их эволюцию под влиянием Болонской школы юристов, так и сохранение их отличий в связи с особенностями регионального развития средневековых локальных центров Италии.

Т.Н. Таценко
(СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)

Письмо 1591 г. Вильгельма, герцога Баварского, своему тайному советнику в собрании ЗЕС Архива СПБНИИ РАН

В числе подлинных писем Вильгельма, герцога Баварского, из коллекции Н. П. Лихачева в ЗЕС Архива СПБНИИ РАН хранится интересное и выразительное письмо, написанное 4 мая 1591 г. в Мюнхене (Колл. 25. Карт. 417. Ед. хр. 2).

Герцог Вильгельм Баварский (1548–1626) был самым крупным и деятельным католическим государем эпохи контрреформации в Германии. Адресат его письма – итальянец Минуччио Минуччи (*Minuccio Minucci*, 1551–1604), тайный советник и агент герцога Баварского в Риме, доктор обоих прав, духовное лицо при папской курии.

Пространное письмо написано на пяти страницах пожелтевшей ветхой бумаги. Частично размытые от следов сырости строки все же позволяют оценить прекрасный гуманистический канцелярский курсив герцогской канцелярии, искусно стилизованный в духе модной во второй половине XVI в. *scrittura testeggiata* с так называемыми грушевидными или каплевидными утолщениями на тонких верхних и нижних выносных. Язык письма – сложная гуманистическая латынь, отражающая высокий уровень образования двух участников переписки: выпускника Падуанского университета Минуччи и герцога Вильгельма, воспитанного и обученного иезуитами в Мюнхене.

Дипломатика письма отличается от композиции немецких писем баварского герцога, главным образом тем, что в данном письме нет вступительных приветственных слов церемониального характера, автор сразу переходит к основной теме. Вместе с тем текст содержит интитуляцию в начале письма (*Guilhelmus Dei gratia ...*) и уверения в благосклонности к советнику – в его конце. Обращение к адресату в письме выражено словами «Досточтимость Ваша (*Reverentia Vestra*)», соответствующими высокому ученому и духовному статусу советника. Письмо содержит подлинную подпись герцога Вильгельма и оттиск его малой печати под бумажной кустодией, скреплявшей послание.

Поводом для письма послужила скандальная история с итальянским авантюристом – алхимиком *Marco Bragadino* при баварском дворе. Обманом и уловками он втерся в доверие к герцогу, лишил его большого количества денег и ценностей, но в конце концов был разоблачен и казнен. Письмо написано через несколько дней после казни авантюриста. Наблюдая Брагадино в Мюнхене и зная его предысторию

в Италии, Минуччи отрицательно относился к алхимику, но не мог перечить герцогу. Однако, возвратившись в Италию, советник не смог скрыть своих эмоций, что дошло до герцога и послужило причиной охлаждения его отношений к советнику.

Пространное письмо герцога является попыткой исправить эту ситуацию. Оно служит образцом изысканного и обходительного стиля, с помощью которого серьезные упреки к Минуччи в нарушении конфиденциальности происходившего при баварском дворе перемежаются с попытками извинить его человеческими слабостями и отсутствием злого умысла. В некоторых выражениях сквозит ирония, например, «услуги друзей» по доносам на Минуччи или «алхимические дымы», которым по рассказам последнего будто бы следовал герцог. Вместе с тем письмо проникнуто стремлением Вильгельма Баварского сохранить попросившего было отставки советника и заканчивается подтверждением неизменного доверия к нему.

Такая необычная лояльность государя к тайному советнику и агенту при папской курии в Риме объяснялась большой ценностью и важностью Минуччи для церковной политики герцогства Баварского, которое в результате своих успехов в политике контрреформации в XVI в. выдвинулось в число видных немецких территориальных государств, что в конечном итоге дало старт подъему Баварии в Новое время.

А.В. Чиркова
(СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)

Послания дождей Венеции XIV–XV вв. к капитанам и подеста Тревизо из собрания Н.П. Лихачева: Результаты прочтения стертых записей

Среди древнейших посланий дождей Венеции XIV–XV в. в коллекции Н. П. Лихачева, выделяется группа из десяти *lettere ducali*, адресованных подеста и капитанам Тревизо 1355–1489 гг. (Архив СПБНИИ РАН. ЗЭС. Колл. 6. Карт. 186. Ед. хр. 2–7, 17, 21; Архив СПБНИИ РАН. ЗЭС. Колл. 6. Карт. 187. Ед. хр. 5, 13). Два из них были представлены в 2019 г. Д.А. Агеевой на IX Чтениях (см. тезисы на сайте СПБНИИ РАН). Источник приобретения этих документов неизвестен. Можно предположить посредничество директора Городской библиотеки Тревизо и основателя Городского музея Тревизо Луиджи Байло (1855–1932) – коллекционера, использовавшего документы своего собрания на курсе латинской палеографии и дипломатики в местном лицее. В единственном сохранившемся письме 1896 г. (опубл. Л.Г. Климановым в «Трудах Гос. Эрмитажа» в 2014 г.) он предлагал Лихачеву помощь в приобретении старинных грамот и печатей, ссылаясь на свои связи в Венеции и Тревизо.

Все послания этой группы отличают следы тщательно стертых архивных записей на обороте рядом с адресом. На части документов в этом месте заметны вдоль линии сгиба следы бумаги, оставшиеся от приклеенных в прежнем архиве бумажных аннотаций (аналогичные тем, что сохранились на дожеских посланиях маркизам Феррары) или от вклейки в альбом или на паспарту в частной коллекции автографов. На послании 1389 г. были утрачены так же адрес, помета о получении, архивная помета XIV в. и помета корректора – их удалось прочесть в результате спектральной визуализации, выполненной сотрудниками ЛКИРП СПБНИИ РАН. В результате выявления утраченных надписей удалось восстановить архивные пометы XVI–XVII в. Все они были выполнены одной рукой. Сравнение этих помет с более ранними архивными пометами и пометами о получении показывает заметную разницу в формулировках, связанную не только с необходимостью перевода латинской терминологии на народный язык, но и с практическим использованием этих отметок. Прецедентное право и сложившиеся к середине XIV в. традиции местной историографии с опорой на актовый материал делали обращение к делопроизводственным архивам обычным делом, а архивные аннотации, дублировавшиеся в регистрах, становились важнейшим инструментом информационного поиска.

В.В. Шишкин
(СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург)

Документы кардинала де Ришелье из коллекции Н.П. Лихачева

Доклад касается деловых бумаг, документов, имеющих отношение к кардиналу де Ришелье (1585–1642), главному министру Людовика XIII и известному политическому деятелю Франции, в том числе в

бытность его епископом Люсонским, находящихся в составе собрания академика Н.П. Лихачева в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Эти автографы представляют собой самостоятельную «Коллекцию 10» Западноевропейской секции Архива и хронологически охватывают период 1610–1641 гг.

Прослеживается история формирования этого комплекса документов, а также кратко представляет их содержание и историческое значение. «Коллекция 10» рассматривается как единственное в России целено собранное собрание автографов, являющееся частью делового архива Ришелье и ценным документальным свидетельством эпохи французского абсолютизма первой половины XVII в.